

Директор Чжоу был мрачен, лицо его то и дело меняло цвет: то краснело, то бледнело. Он указал пальцем на Линь Юна и разразился грубостью:

— Линь Юн, напрасно воспитывал я тебя в нашей академии целых три года! Ты осмелился так клеветать, пятнать честь академии! Сам не умеешь драться, так вини других!

— Не начинай, — равнодушно махнул рукой Линь Юн. — Думаешь, я не видел те дорогие нефритовые статуэтки в твоём шкафу? Директор Чжоу, советую тебе помнить: люди делают, небо видит. Академии Боя несдобровать. — Он усмехнулся. — Поэтому я и убил Цзинь Сюаня. По сути, доброе дело сделал, да? Я за брата Чжао отца отомстил, брату Туну проучил обидчика, а всех избавил от злодейств Цзинь Сюаня в последние два месяца.

Линь Юн, съёжившись в кресле, закрыл лицо руками и тихо хихикнул. Смех его становился всё громче, пока не перерос в открытое хохотанье, которое эхом разнеслось по комнате, долго не стихая.

Когда его уводили стражники, Чжао Чжэнь тихо проговорил.

Он стоял прямо, как дерево, обнимая сидящего рядом на деревянном стуле Тун Цзинфэя:

— Линь Юн, я ненавижу Цзинь Сюаня за убийство отца, но сам убивать его не замышлял. Цзинь Сюань заносчив, врагов у него много, рано или поздно он нарвётся на того, с кем не совладать и семье Цзинь. Я бы следил, выждал момент, когда даже небеса его не защитят, чтобы наказать открыто и честно.

Линь Юн, проходя мимо, покачал головой:

— Ты можешь ждать, а я нет. Чтобы мать жила в достатке, у меня один шанс — первое место в красном списке.

— Но ты действительно о матери думал? Твой нынешний конец поможет ей?

Линь Юн снова рассмеялся:

— Хотя это нескромно, я и не думал, что провалюсь. Особенно когда у вас мотив такой очевидный. Но всё равно вычислили. — Он обернулся к Фан Чжи, голос его звучал странно. — Брат Фан, я нисколько не злюсь. Напротив, хочу сказать: Академия Боя никогда не была чистой, как её название. Грязных людей и дел здесь полно.

— Не носи чушь! — Директор Чжоу, лицо которого исказила ярость, вскочил и большими шагами подошёл к Линь Юну, толкая его. — Что вы стоите? Уведите его! Ещё чуть медленнее, и доброе имя академии будет этим убийцей уничтожено в пух и прах!

Линь Юна толкали, заставляя идти к выходу. Он не сдавался, пока его тащили, он изо всех сил поворачивал голову и кричал Фан Чжи, голос его становился всё более пронзительным и отчаянным:

— Осталось два месяца, Фан Чжи, встретишься с этим! До конца учёбы обязательно увидишь всю эту грязь! Надеюсь, брат Фан, тогда расскажешь об этом всему миру! Не дай этим лицемерам, так называемым уважаемым, губить таких, как я — бедных студентов! Ты обязан это сделать, Фан Чжи, иначе станешь виновником, которого проклянут тысячи!

Когда голос Линь Юна, словно у призрака, затих у двери, Фан Чжи ощутил, как горло

пересохло, будто там была выжженная степь. Он почувствовал мурашки по коже и долго не мог прийти в себя. Директор Чжоу, вытирая пот с лица, заметил странный вид Фан Чжи и поспешил к нему, желая поддержать за плечо:

— Фан Чжи, не слушай слова убийцы. Ему нельзя верить!

Фан Чжи, ошеломлённый речью Линь Юна, реагировал медленно. В душе он испытывал отвращение, нахмурился и хотел отстраниться, но тело было тяжёлым, словно свинцовым, и не двигалось. Руки директора Чжоу уже почти коснулись его плеча.

— Прошу прощения, Фан Чжи не любит, когда к нему прикасаются посторонние.

Белая, изящная рука протянулась сбоку и преградила путь директору Чжоу к плечу Фан Чжи, чисто и прочно остановив его. Чу Сяннань встал перед Фан Чжи, лицо его было холодным, как лезвие ножа, а глаза, подобные озёрной глади, казалось, покрылись инеем. Он излучал холод, от которого директор Чжоу остановился.

— На сегодня хватит, господин Лян. Фан Чжи устал, ему нужно отдыхать. — Чу Сяннань поклонился Лян Фансюй, затем повернулся и мягко обнял юношу за плечи. — Пойдём, идём домой.

— Папа, мама! Посмотрите, кого я привёл!

Линь Шуин в зале шутила с Фан Лицзе, который специально вернулся пораньше, когда издали услышала у входа звонкий голос Фан Чжи.

— Этот громкий голос Ачжи... — Линь Шуин встала и пошла к двери. — Муж, наверное, это Сяннань?

Фан Лицзе тотчас отложил фарфоровую чашку и последовал за женой.

У двери стоял стройный, изящный и вежливый юноша. Густые чёрные волосы, словно водопад, были аккуратно собраны светлой лентой, лицо чистое и спокойное, брови тонкие, как тушь, а глаза ясны, как озёрная вода. Нос прямой, губы тонкие, кожа подобна нефриту. Белый шёлковый халат, скромный, но дорогой, без единой складки, развевался на ветру.

Юноша поднял руку в приветствии, голос его был чистым и мягким, как свежий снег на вершине горы:

— Дядя, тётя, здравствуйте. Меня зовут Чу Сяннань.

Супруги Фан часто слышали от сына, как прекрасен, добр и добродетелен его возлюбленный. Хотя доброта их росла от его слов, они считали это любовной слепотой: «влюблённому всё мило». Но увидев юношу воочию, они поняли, что все попытки Фан Чжи описать его были напрасны.

Линь Шуин улыбалась так широко, что рот не закрывался. Она поспешила отбить руку сына и сама взяла Чу Сяннаня под руку, ведя внутрь, оставив довольного Фан Лицзе и смущённого, но радостного Фан Чжи.

— Сын.

— А?

— Мне кажется, твоя способность описывать внешность оставляет желать лучшего. — Сказав это, Фан Лицзе поспешил вслед за своей супругой.

Оставшийся позади в одиночестве Фан Чжи:

«...»

Привести домой на ужин → познакомить с родителями Сяннаня → признаться → Сяннань примет признание → жениться, жениться...

— Ачжи, Ачжи, о чём ты задумался?

Фан Чжи резко очнулся от сладких грез и увидел, что Линь Шуин положила нефритовые палочки и смотрит на него с неудовольствием.

— Это первый раз, когда Сяннань ужинает у нас, а ты так рассеян? Когда его не было, ты ждал, как звёзды с неба, чуть ли не молился Будде. Теперь он здесь, рядом, а ты staring into space.

Фан Чжи зашипел, лицо его покраснело, он стиснул зубы и с улыбкой сказал:

— Мама, можешь оставить сыну немного лица?

Чу Сяннань мягко рассмеялся:

— Ничего, тётя. Фан Чжи сегодня успешно решил дело, возможно, он думает, нет ли там каких-то упущений.

Фан Чжи: Его совесть настолько чиста, мне стыдно.

— О? — Фан Лицзе взял кусочек ребрышка и задумался. — Это дело с сыном семьи Цзинь, о котором ты говорил вчера?

Фан Чжи кивнул:

— Именно. Убийца — наш однокурсник из Зала Луцай. Из-за бедности он жаждал места, которое занял Цзинь Сюань, и спланировал убийство.

— Звучит жутко. — Линь Шуин с удивлением посмотрела на спокойное лицо Чу Сяннаня. — Сяннань, ты, кажется, не боишься убийств и трупов?

Фан Чжи снова взял палочки и начал накладывать еду:

— Он не только не боится, но и сильно помог. Время смерти рассчитал именно Сяннань.

Так Чу Сяннань заслужил восхищённые и неверующие взгляды супругов Фан.

За столом царил мир и радость. Супруги Фан смотрели на прекрасного и элегантного Чу Сяннаня и этот будущий зять (?) им нравился всё больше.

Линь Шуин потерла руки и, получив кивок мужа, с горящими глазами спросила:

— Сяннань, мы чувствуем, что с тобой очень по пути. Воспитать такого сына, как ты, родители должны быть замечательными людьми. Мы очень хотели бы с ними познакомиться. Скажи, когда им удобно, можно ли выбрать день для встречи?

Так скоро уже наступит второй шаг из его фантазий?

<http://bllate.org/book/16491/1498821>